

Когда в театре ШаньХэ состоялась премьера «В ожидании полуночного солнца», зрительный зал и сцену там специально перестроили так, чтобы получилась открытая платформа с обзором с четырех сторон. Однако во всех концертных залах университета Хуачен сцены были самыми обыкновенными, а денег на ремонт и перестройку зала у них не было. Поэтому Сянь Цаю пришлось готовить специальную сценическую версию спектакля. Хотя в новой версии сократилось взаимодействие актера с публикой, для гастролей она подходила гораздо больше, и ее можно было поставить в большем количестве театров.

При переходе с четырехсторонней сцены на одностороннюю нужно было не только сменить ориентацию показа, но и заново аранжировать множество танцевальных движений.

За время репетиций новой версии Сянь Цай очень устал – он каждый день много времени проводил с режиссером-постановщиком танцев, постоянно пересматривал танцевальные па и оттачивал язык тела.

В течение дня его голова настолько была забита разными мыслями, что Сянь Цай не мог нормально спать по ночам. Бывает, что людям снятся разговоры, и они по ночам говорят сами с собой. Сянь Цаю же снились мюзиклы, и во сне от танцевал. Глубоко уснув, он внезапно пинался, выбрасывал руку, нырял, катался и вертелся в кровати несколько раз подряд.

Тань Имин спал рядом с ним, поэтому каждую ночь получал удары кулаками и пинки. Однажды, когда Сянь Цаю снилось, что он усердно репетирует, его перепончатые лебединые лапы ударили Тань Имина прямо по бедренной кости, пнули ногу до онемения, и на следующий день там образовалось сине-зеленое пятно.

Сянь Цай огорчился и почувствовал себя виноватым.

Тань Имин же смотрел на вещи спокойно и утешал его:

- Все в порядке, все в порядке, гордись – у тебя такие мускулы!

Однако, когда Тань Имин на следующий день пришел на работу, коллеги увидели, как он хромотает при ходьбе, и посмотрели ему вслед со значением...

.....

То, что Сянь Цай ставил в университете свое шоу «В ожидании полуночного солнца» вызвало волнение у всех студентов. Все, что делал бывший студент Сянь Цай, привлекало внимание. От первокурсников, только что поступивших в аффилированную школу, до аспирантов – всем были известны имя и жизнь легендарного Сянь Цая.

Даже если кто-то ничего не слышал об этом мюзикле, само имя Сянь Цая было в сердцах студентов золотым билетом. Более того, в этом мюзикле актеру был брошен вызов в виде

двенадцати ролей, и Сянь Цай играл в двухчасовом моноспектакле. Эта уникальная форма тоже вызывала у всех большой интерес.

Поэтому, как только университет объявил о времени и месте постановки, студенты начали «охоту за билетами».

- Бро, у тебя есть билет на «Полуночное солнце»?

- Зачем ты билеты ищешь, разве у вашего факультета Музыкального театра нет выделенных билетов?

- Есть, но моя девушка тоже хочет его посмотреть! Театр маленький, поэтому каждому человеку с факультета дают только один билет. Мне нужен еще один, я не хочу, чтобы она это пропустила!

- Спроси своего соседа по комнате, он ведь член Социальной Федерации, разве нет? Я слышал, что Социальной Федерации выделили много билетов.

- Я давно просил! Социальная Федерация и Студенческий Союз вот-вот из-за этого поссорятся! Каждый жалуется, что у другой стороны слишком много билетов, и они уже провели несколько розыгрышей и соревнований - победитель набирает больше билетов для своего факультета.

- Ты спрашивал в аффилированной академии?

- Как я мог у них просить? Я не смог сдать вступительный экзамен в эту аффилированную академию. В этой академии полно детей, как я смогу найти кого-нибудь, кто захочет отдать мне билет?

Подобные диалоги разворачивались по всему кампусу.

Там были даже поклонники Сянь Цая, которые не смогли купить билеты на гастроли. В соцсетях за билеты были готовы заплатить высокие цены, но для того, чтобы попасть на спектакль, требовался студенческий билет университета Хуачен. Даже если барыги и хотели получить прибыль, они не могли начать свои махинации.

Вскоре наступил назначенный день.

За час до начала спектакля перед концертным залом уже выстроилась длинная очередь. Студенты, державшие в руках заветные билеты на спектакль, в волнении сгрудились в кучу, ожидая момента, когда начнут пускать в зрительный зал.

У всех них были отличные фигуры и длинные ноги. Если оглядеться вокруг, то можно было

заметить, что все они обладали мягким темпераментом, и в их жестах отражалось неповторимое очарование танцоров. Но среди этих студентов неожиданно обнаружилась группа несколько отличающихся от них ребят. Рост этих парней превышал 1,9 метра, и они были совершенно неспособны украсить танцевальную сцену своими накачанными мышцами.

Когда окружающие их разглядывали, они лишь стискивали зубы и сопротивлялись испытующим взглядам, оставаясь твердыми и решительными.

- Чуань Цзы, нам не обязательно это смотреть... - Мао Цюань почувствовал себя неловко и бросил взгляд на своего друга. - Мы еще можем уйти, время есть.

Гао Син думал точно так же и начал уговаривать Цень Маньчуаня:

- Я слышал, что одного билета мало, чтобы пустили на спектакль, надо предъявить студенческий! Мы не из университета, и нас наверняка выгонят на входе в зал.

- Нет, - в сравнении со своими братьями, которым было очень неловко, Цень Маньчуань чувствовал себя уверенно. - Я на площадке победил двоих ответственных за безопасность. Мы соревновались, они проиграли пари, но отказались бегать голышом, а вместо этого согласились оказать мне эту услугу!

Мао Цюань и Гао Син переглянулись, и одновременно вздохнули про себя.

Сянь Цай... Сянь Цай... Сянь Цай... Они тоже его видали. Он был тихим, красивым, и характер у него был реально хорошим, но при этом он все равно в конце-то концов оставался мужчиной! Каким зельем он опоил Маньчуаня, чтобы натурал, у которого раньше было бесчисленное множество девушек, согнулся?

После того, как Цень Маньчуань и Сянь Цай расстались, они сами какое-то время чувствовали себя подавленно. Ключ от хорошо спланированного признания Цень Маньчуаня на баскетбольной площадке не только не приблизил к нему Сянь Цая, а напротив, даже того оттолкнул.

А больше всего Цень Маньчуаня огорчило то, что после разрыва Сянь Цай сам выкупил его мотоцикл и попросил Мао Цюаня и Гао Сина вернуть мотоцикл ему.

Поначалу Мао Цюань и Гао Син очень сильно недолюбливали Сянь Цая, потому что считали, что тот «придерживает» их брата. Но, когда они увидели выкупленный мотоцикл, их отношение стало весьма сложным...

Они надеялись, что эти двое смогут основательно разойтись и расстаться, а Цень Маньчуань вернется на правильный путь. Они не могли смотреть, как их бро погружается в отчаяние из-за всего этого - ай, ну как два натурала могут вообще понять перипетии однополрой любви?

Полгода после разрыва то летели быстро, то медленно тянулись. За эти шесть месяцев Цень Маньчуань встречался с тремя разными людьми – мужчинами и женщинами; самые короткие его отношения пролились три дня, а самые долгие – полтора месяца.

И над всеми, с кем он был, витала тень Сянь Цая.

У одного из этих людей были такие же глаза, у другого – такие же мелкие привычки, а тот, с кем Цень Маньчуань встречался дольше всех, очень походил на Сянь Цая сзади.

Цень Маньчуань ходил кругами по одному и тому же месту и не мог выпутаться из этой ловушки. Да он и не хотел выпутываться.

Мао Цюань же не мог смотреть на то, как его бро продолжал вести себя так бестолково. Он и сообщил Маньчуаню о том, что Сянь Цай собирался вернуться и выступить в своем университете. В этот момент лицо баскетболиста просветлело.

Он практически немедленно начал планировать операцию по проникновению. Он тщательно готовил подарки и продумывал каждое слово, которое он скажет при встрече.

– Я уже не тот, что был полгода назад! – воскликнул Цень Маньчуань. – Теперь я полностью осознал, почему Сянь Цай меня бросил! Он думал, что я недостаточно зрелый, не планирую будущее и всегда относился к нему по-глупому. Но я просто не знал, что ему было нужно!.. Я исправил все эти недостатки!

Теперь Цень Маньчуань устроился на регулярную подработку и учил детей физкультуре три раза в неделю. Все его ученики были маленькими горошинками, с которыми он познакомился во время своей стажировки. А еще он начал разбирать кое-какие общие знания о мюзиклах. Он посмотрел рок-оперу «Моцарт» и фильм «Амадеус». Он впервые в жизни начал планировать свое будущее, и, хотя самое далекое будущее, которое он мог себе представить, забегаало вперед лишь на год, это было уже намного лучше, чем представления прежнего глупого мальчишки.

За время разрыва Цень Маньчуань множество раз перечитал письмо, которое оставил ему Сянь Цай. В этом письме не было жалоб и обвинений – наоборот, Сянь Цай постоянно извинялся между строк. В эти моменты Цень Маньчуань хотел встать перед ним и сказать: «Раз тебе так жаль, то возвращайся ко мне!»

Чтобы спланировать процесс возвращения Сянь Цая, Цень Маньчуань накануне не спал всю ночь. Он приготовил подарок, который лежал у него в кармане брюк. Это была еще одна маленькая бархатная коробочка, но теперь в ней не было ключа.

...К сожалению, его план не успевал адаптироваться к происходящим событиям.

После того, как их троица простояла полчаса в очереди, они наконец-то с черепашьей скоростью добрались до входа, где проверяли билеты. Слева и справа от входа стояли два парня. Это и были те два неудачника, которые проиграли пари и согласились открыть для Цень Маньчуаня «заднюю дверь».

Тем не менее, Цень Маньчуань и его два брата слишком сильно привлекали внимание, и за ними следили бесчисленные пары глаз. Как только зрители поняли, что те ловят рыбку в мутной воде и собираются пробраться в концертный зал, полная энергии толпа тут же начала на них ругаться.

- Где ваши студенческие билеты?! - человек, стоявший позади, схватил их за одежду. - В билетной кассе ясно было написано: «Держите билет в одной руке, а студенческий - в другой»!

Хотя они держали билеты на спектакль в руках, студенческих карт у них не было. Мао Цюань ловко вывернулся:

- Наши студенческие в общежитии.

- В общежитии? - возбужденная толпа зашумела. - С какого вы факультета? Пусть ваши соседи по комнате принесут вам документы!

- Мы трое из одной комнаты, а наш четвертый сосед уехал, - продолжил импровизацию Гао Син.

Студенты, которые наблюдали за происходившим, столпились кучей вокруг, и некоторые из них говорили с подозрением:

- Вы по телосложению совсем на танцоров не походите! Вы же явно спортом занимаетесь!

Кто-то тут же сообразил:

- Я их помню! Они из физкультурного университета по соседству! Этот, который впереди, он же Цень Маньчуань, капитан их баскетбольной команды. Раньше он с Сянь Цаем...

Договаривать остальное было уже не надо.

Много студентов слышало о прошлых отношениях Цень Маньчуаня и Сянь Цая. Ни с того ни с сего, когда Сянь Цай вернулся в альма-матер со своим спектаклем, Цень Маньчуань решил пробраться туда в толпе зрителей. Всех окружающих переполняло любопытство.

В такой ситуации проскользнуть в зал, как рыба в мутной воде, не было никакой возможности. Цень Маньчуань проигнорировал все эти любопытные взгляды и, второпях прихватив двух

своих братанов, в отчаянии убежал от билетеров.

К счастью, они занимались спортом, и находились в хорошей форме. Они смогли сразу же сбежать. Даже если бы те кролики всей толпой погнались за ними, они не сумели бы их догнать.

Тяжело дыша, троица в смущении обошла здание и спряталась под высоким деревом.

- Бл*, Чуань Цзы... Ты такую здоровую репутацию заработал, я прав? - Мао Цюань почувствовал навязчивый страх.

- Какую репутацию? - Цень Маньчуань несколько раз помотал головой. - Просто Сянь Цай слишком известный. Он - Божественный Мужчина их кампуса, а я - бывший парень Божественного Мужчины кампуса!

- ...К счастью, ты не мразотный бывший парень, - добавил Гао Син.

Если бы те студенты предположили, что Цень Маньчуань вел себя со своим парнем как подонок, то он бы точно живым из этого кампуса не ушел.

- Кстати говоря, мы все еще собираемся смотреть? - спросил Гао Син.

- Мы будем смотреть! Почему это мы не будем?

- Как ни крути, а студенческих карт у нас нет, - сказал Мао Цюань. - А еще мы сильно выделяемся. Нас обнаружат, как только мы в зрительный зал зайдём.

Все трое уставились друг на друга. Они ломали головы, но не могли сообразить, что же им делать. Цень Маньчуань огляделся и в замешательстве спросил:

- Вы вообще знаете, где мы находимся?

Никто из них не являлся студентом университета Хуачен, и не был знаком с его зданиями и территорией. Так как за ними только что гнались, они сворачивали налево и направо и попали в переулок, где их никто не мог увидеть.

- Погодите, - сказал Гао Син, - кажется, мы обошли заднюю часть концертного зала.

Он был прав. Непонятно как, но их угораздило обойти концертный зал. От запрещенной к входу закулисной части их отделяла одна стена.

Вся троица была безрассудной, и они тут же решили перелезть через стену и забраться внутрь. Что же касалось того, поймут ли их сотрудники... Они не могли контролировать такие вещи!

Стена была невысокой, всего-то два с половиной метра. Возможно, для других людей такая высота могла оказаться неудобной, но этим трем рослым студентам спортивного университета даже не нужно было вставать на цыпочки – достаточно было поднять руки, чтобы на нее забраться.

Это оказалось довольно легко.

Поверхность цементной стены была плоской и очень гладкой. Некоторое время они озирались, а потом обнаружили небольшой выступ, на который можно было встать и так держаться на ногах. Все трое один за другим забрались наверх и повисли на стене как три неуклюжих медведя.

Осторожно высунув головы, они увидели множество реквизита, расставленного в узком проходе. Однако эта трудность одновременно помогала более ловко забраться внутрь.

- Я спущусь первым, – прошептал Цень Маньчуань. – Вы двое – за мной.

- Ш-ш-ш! Молчи! – торопливо одернул его Мао Цюань. – Прячемся, кто-то идет.

Как только послышался звук приближавшихся шагов, все трое втянули головы в плечи, не смея выставить над стеной даже прядь волос. В душе они сетовали: вот-вот начнется спектакль, так почему здесь слоняются сотрудники?

Шаги двух людей все приближались и приближались, пока не остановились на углу прохода.

Раздался чей-то голос.

Это был нежный, зрелый мужской голос, очень приятный, но... очень знакомый.

- С тобой все хорошо? Почему ты так потеешь? – задумчиво произнес он. – Иди сюда, дай я вытру тебе пот.

Сразу же после этого ему ответил второй мужской голос, чистый и звонкий:

- Я... я... – голос дрожал. – я слишком сильно нервничаю.

Второй голос звучал в тишине негромко, но отчетливо:

- Я до сих пор не могу в это поверить! Я на самом деле стоял в лекционном зале Хуачена. Ты видел те места в первом ряду? Они зарезервированы для ректора, заведующих кафедрами и некоторых преподавателей...

Он топнул ногой и возбужденно произнес:

- Учитель Чу Пин, я когда-нибудь тебе про нее говорил? Она была моим классным руководителем в аффилированной школе. Она придет с несколькими учителями отделения Балета. Они все сюда пришли, чтобы на меня посмотреть!

Он кружился на одном месте, а его голос звучал так счастливо, как будто он готов был вот-вот взлететь в небо:

- Боже мой, это не сон! Как я могу быть таким потрясающим? Я - величайший актер музыкального театра в мире!

Его слова звучали очень наивно, но только такие наивные слова могли точно отразить его душевные переживания.

У Цень Маньчуаня, который висел на стене, расширились наполненные недоверием глаза. Он узнал этот голос, конечно же, он его узнал. Он жадно высунул из-за стены голову.

Мао Цюань судорожно пнул его и спросил:

- Ты что, спятил?

Но Цень Маньчуаня больше это не волновало.

Это был голос Сянь Цая! Это был тот самый голос, которого Цень Маньчуань не слышал полгода, но хранил в своем сердце. Он отчаянно хотел немедленно увидеть Сянь Цая, прямо сейчас, прямо в эту секунду!

Он оперся обеими руками о стену и наклонился вперед. Он хотел выкрикнуть имя Сянь Цая, он хотел с гордостью сказать ему, что стал лучше. Он все еще хотел...

...Слова застряли у него в горле, взволнованное выражение лица застыло, и Цень Маньчуань не смог издать не единого звука.

Что же он увидел?

Он увидел Сянь Цая, стоявшего лицом к лицу с другим мужчиной. Этим человеком был Тань

Имин – актер озвучания и второй главный герой спектакля.

Он увидел Сянь Цая, одетого в тонкий костюм, с блестящим макияжем на лице и полностью завитыми муссом для укладки волосами.

Он увидел, как Тань Имин с нежностью смотрел на Сянь Цая, терпеливо выслушивал его разбросанные мысли и восхищенно провожал взглядом его спонтанные танцевальные движения. Затем Тань Имин снял шарф и аккуратно повязал его Сянь Цая на шею.

Глаза Сянь Цая были полны света и ярко сияли, а на лице блуждала бессмысленная и преувеличенная улыбка. Пока он говорил, его пальцы летали в воздухе, словно он дирижировал невидимым оркестром.

Тань Имин молча слушал, приводя тем временем в порядок его одежду. Он поднял ему воротник и отряхнул рубашку, как будто тот был ребенком...

Каждое их соприкосновение выдавало то, что они близки друг другу. Они походили на двух давно знакомых партнеров, спрятавшихся в пустом углу за кулисами, чтобы поболтать перед началом спектакля.

Они не придвигались слишком близко, не делали ничего, что переходило бы границы.

Но Цень Маньчуань понял. Он понял, что их глаза видели только друг друга, а их души, казалось, соединялись друг с другом как два кусочка одной мозаики.

Это был Сянь Цай, которого он никогда раньше не видел.

Это был не тот заботливый и благоразумный Сянь Цай, который всегда говорил ему: «Все в порядке».

Это был ребячливый, пылкий, своенравный, кокетливый, глуповатый и прямолинейный Сянь Цай.

Это был не тот юноша, которого он знал.

Цень Маньчуань понял, что совсем его не знал. Этот Сянь Цай был... полон недостатков, но в то же время его переполняла жизненная сила.

В тот момент каждая деталь времени, которое Цень Маньчуань провел вместе с Сянь Цаем, вспыхнула в его сознании. От первой встречи на баскетбольной площадке до расставания в раздевалке...

За более чем три месяца, за все отношения, которые длились более ста дней...

Он ни разу не видел такого наивного Сянь Цая.

В конце концов, наивным человеком всегда был он сам.

.....

Мао Цюань и Гао Син съежились под стеной, нервно глядя на своего брата, карабкающегося на ее гребень. Он беспокоился, что Цень Маньчуань сделает что-нибудь неразумное или потеряет контроль над собой, но неожиданно через несколько минут Цень Маньчуань просто молча спрыгнул к ним.

Выражение лица у него было очень спокойным - и это действительно было странно, однако за такое короткое время Цень Маньчуань, казалось, серьезно повзрослел и обрел просветление.

Они надумали себе лишнего?

Цень Маньчуань повернулся и пошел прочь. Мао Цюань и Гао Син переглянулись и бросились его догонять.

- погоди-ка, братан, разве ты не хотел пойти посмотреть? Разве не ты говорил, что хочешь встретиться с Сянь Цаем и вернуться к нему?

- Он ушел, - сказал Цень Маньчуань. - Все кончено.

- Э? Что это ты имеешь с виду?

- Я сказал: все кончено.

Цень Маньчуань остановился, повернул голову и посмотрел на стену, которая возвышалась позади него. Все, что осталось за этой стеной, больше не имело к нему отношения.

...Потому что его история закончилась еще полгода назад.

Он уже был отрезан от мира, в котором жил Сянь Цай.

За кулисами сотрудники были заняты последними приготовлениями перед началом спектакля.

- Освещение?

- Настроено.

- Сценические помощники?

- Здесь.

- Музыканты?

- Все здесь.

- Где режиссер, продюсер и два режиссера-постановщика?

- Сидят и разговаривают с ректором и остальными.

- Где актеры?

- ...

- Сянь Цай?!!! Тань Имин?!!! Мы готовы начинать, куда они подевались?!

Хаос.

Перед премьерой за кулисами театра всегда царит хаос.

К счастью...

- Простите, мы просто оба вышли подышать свежим воздухом.

- Простите, мы опоздали.

Не опоздали.

Не опоздали.

Они пришли точно вовремя.

- Все готово! Всем приготовиться! Начинаем по обратному отсчету: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4...

- Три!

- Два!

- Один!

...Занавес открылся.

История, которая принадлежала, Сянь Цаю и Тань Имину, официально началась.

□КОНЕЦ□

Автору есть, что сказать:

На этой последней главе я надолго застряла, но наконец решила закончить ее вот так, чтобы соединить выход на поклон с новым началом.

История Цайцая закончилась.

История Цайцая еще только началась.

<http://bllate.org/book/13905/1225538>